
ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман “Братья Карамазовы” – не просто последнее произведение Достоевского, но произведение, о котором он знал, что оно будет последним. Развивающаяся вопреки серьезному лечению эмфизема легких не оставляла места для иллюзий – в письмах Достоевского последних лет, несмотря на осознание неперестанного духовного становления (за месяц до смерти он напишет приятелю “...теперь еще пока только леплюсь. Всё только еще начинается”¹), мы находим ясное понимание того, что конец приближается, причем это понимание сопровождается постоянной, почти невыносимой тревогой: что будет с семьей после его смерти? Но не только – и не столько – для того, чтобы утвердить “на самых вершинах” свою литературную репутацию и тем хоть как-то обеспечить семейство, бьется над романом Достоевский: ему надо было наконец “высказаться всему” – и, кажется, это ему в последнем романе вполне удалось. Задача исследователей – адекватно прочесть “всё”, выказанное здесь Достоевским, и задача сия оказалась не из легких, несмотря на видимую ясность этого “замкового камня” всего свода творчества писателя. Во всяком случае, для иных роман, и особенно поэма Ивана Карамазова “Великий инквизитор”, подлинно послужили камнем преткновения и соблазна. Впрочем, как будет ясно из статей труда, в романе немало и менее очевидных камней преткновения. Кстати, и в центре романного мира находится камень...

Камень, у которого Алеша произносит речь перед 12 мальчиками в конце романа “Братья Карамазовы”, видится Достоевскому начатком будущей мировой гармонии – целостности, а не совокупности, Церкви, а не государства, единого организма, а не конгломерата однородных частиц, хлопочущих лишь о том, как бы им так понаучнее, побесспорнее и поокончательнее разделиться, чтобы, живя бок о бок, друг другу не мешать; или, как скажет герой “Сна смешного человека”, “как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше.

---

¹ Письмо А.Н. Плещееву от 24 декабря 1880 г.

всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе” (25, 117).

Церковь – общность, воздвигаемая на камне, на гранитной крепости человеческого единства, где каждый ощущает свою ответственность и вину за всех; государство – общность, воздвигаемая на песке разрозненных и обособленных индивидуумов, отстаивающих свои права. Эти две сущности как две постоянные возможности стоят за эмпирическим явлением одного и того же человеческого сообщества. Свобода человека в Церкви достигается его усилием по освобождению себя от рабства страстям, прихотям, отречением от всего, затемняющего образ Божий в человеке, самоотдачей как выражением великой любви человека к Богу и человеку. В любой секулярной общности человек думает достигнуть свободы, обеспечив себе возможность максимально удовлетворять свои страсти и прихоти – а для этого накопив или иным образом добыв денег; человек надеется достигнуть свободы, максимально изолировав себя от окружающих, а все связи между “особями” регламентировав правовыми отношениями, поставив формальную справедливость на место любви.

Илюшечкин камень – это алтарный камень в чистом поле, над которым небо – купол, которому земля – подножие; вокруг которого, иными словами, создается мир как храм, а храм – это и в нашей жестокой действительности, и на нашей падшей и поврежденной земле – место Божия присутствия, начаток Земли Обетованной, той Новой Земли грядущего Царства Божия, где Бог будет всё во всем. Закон этого Нового Царства – восстановленное единство Бога и человека, ибо организм существует лишь живым, в ненарушенном единстве всех своих частей, церковный же организм двуедин: Церковь, совокупность всех верующих, всех добровольно вошедших, – тело Христово, Христос – Глава Церкви. Это не значит, что лишь члены церковной общины составляют, складывают из себя впервые некий организм, а остальное человечество, непричастное вере и Христу, не имеет к этому никакого отношения и есть нечто ненужное и постороннее в этом процессе. Это значит, что в огромном теле человечества, обезглавленном отпадением от Бога, лежащем в медленном распадении (в человечестве при этом кипит бурная “жизнь”, процессы разложения вообще проходят довольно бурно), в этом обреченном теле, при воссоединении его с Богом, при Воплощении Христовом, вновь начинает биться живое сердце горячей любви Господней. И какие-то клетки, какие-то органы этого тела воспринимают жизнь сердца и отзываются на нее, и начинают вновь

жить – а это значит, получать и передавать поступающую от сердца живящую и питающую кровь, работать в едином ритме с этим сердцем. Но другие клетки, другие органы не хотят этого “насилия над их свободой и автономностью”, не принимают животворящей крови, хотят и дальше жить своим разложением. И тело болеет и страждет – но это единое тело, и части, которые *не хотят оживать*, не могут быть от него отторгнуты безболезненно и безвредно. И задача оживших клеток – бороться вместе с сердцем за каждого “мертвеца”² (*за*, а не *против*, так же, как врач борется за больного, именно эта идея заключена в словах старца Зосимы о том, что за людьми нужно как за больными ходить), за каждый орган, столь нужный в едином организме, а вовсе не самим отдельно “спасаться”. Попытка “спастись отдельно” в такой ситуации – самое бессмысленное из возможных действий³. И в этом смысле можно сказать, что воскресшие – *для* мертвых, как врачи – *для* больных, тот, кто больше ожил, тот, кто ближе к Христу, естественно становится слугой, становится на второе место – потому что на первом – больной, страждущий, не воскресший. “...кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не *для того* пришел, чтобы

² Об этом говорит Митя Карамазов, мечтая о себе воскресшем – в рудниках: “Можно найти и там, в рудниках, под землею, рядом с собой, в таком же каторжном и убийце человеческого сердце, и сойтись с ним, потому что и там можно жить и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить в этом каторжном человеке *замершее* сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет уже душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя! А их ведь много, их сотни, и все мы за них виноваты” (15, 31).

³ Тело не может сказать, что оно здорово, если члены его – даже периферические – больны. Христианская община, возмнившая, что может “спастись одна”, оставив погибать “не желающее спасения” человечество, поступила бы как та лиса, что выставила собакам хвост, мешавший ей от них убежать, цеплявшийся за ветки и колючки в то время, как все члены согласно напрягались, чтобы спастись. Раздраженный крик “ешьте его, собаки” всегда приводит к одному и тому же: собаки вытаскивают лису из норы и разрывают в клочья. Самая большая неправда, которой может быть грешен герой Достоевского, – это попытка “спастись одному, самому”, забыв о тех, кто погибает за оградой “твоего” спасения. Именно поэтому старец Зосима в романе “Братья Карамазовы” благословляет Алешу на выход из монастыря. Именно поэтому спасение романного мира “Бесов” исходит от скромной книгоноши, одной из незаметных сотрудниц созданного в 1860-х годах “Общества для распространения Священного Писания в России”, опозоренной и оскорбленной в одичавшем городе, но вложившей все же, в эпилоге романа, в руки Степана Трофимовича Верховенского Евангелие Христово...

Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих” (Мф 20, 26–28).

Героем, носящим в своей душе закон целого, является у Достоевского Алеша Карамазов. Знает этот закон и старец Зосима, выстрадавший его и обретший в нем счастье. Но Алеша с самого начала – брат и слуга, постигший великое счастье быть вторым, не имеющий самолюбия, а потому не имеющий и страха⁴. Он является не как предвестник, а как основатель. Люди не братья между собою, но он брат всем. Алеша – единственный персонаж романа, идя от которого можно адекватно истолковать романное целое, о чем Достоевский специально счел нужным сказать в предисловии, более того – именно для того, чтобы это сказать, он счел нужным предисловие написать.

Однако и этот образ подвергается в некоторых из представленных в настоящем труде работ своего рода “пересмотру” (см. статьи Ольги Меерсон, Людмилы Сараскиной), и, надо сказать, что этот пересмотр никогда не бессмыслен, даже если и полемически заострен. Полностью предоставляя читателям быть собеседниками и соучастниками в постоянно возникающей между статьями иногда очень сложной и многоплановой внутренней полемике и никоим образом не претендуя ни на какое “завершающее” слово, хочется высказать одно соображение по поводу того, что говорит О. Меерсон о несправедности отношения *всех* персонажей, равно и читателей, к Смердякову. Когда Алеша в конце романа, отвечая на вопрос Коли Красоткина, произносит: “Убил лакей, а брат невинен” (15, 189), ни он, ни Красоткин не называют имен. Можно представить себе дело и так, что речь

---

⁴ Именно по причине столь высокого статуса этого героя романый мир переживает тяжкие потрясения всякий раз, когда Алеша колеблется в любви и вере. Его “бунт” против Божией “несправедливости” (из-за тлетворного духа, изошедшего от тела старца Зосимы), вследствие которого он забывает о настойчивом наказе старца быть “при братьях”, быть им “сторожем” и оставляет дом отца своего в самый роковой момент, – этот его бунт становится одной из *необходимых* причин, приведших к убийству Федора Павловича Карамазова (только совокупность этих причин могла сделать убийство возможным, но отсутствие *хотя бы одной из них* предотвратило бы преступление: здесь наглядно представляется нам живое содержание тезиса “все за всех виноваты”).

Полагаю, что для Достоевского это “сторож” (кроме всего прочего) ассоциировалось с данной всякому человеку возможностью (что так очевидно у Гоголя) повернуть глаза навстречу злым или добрым силам, впустить в мир тех или других. Человек в каком-то смысле оказывается дверью, через которую эти силы приходят в мир, и, соответственно, он же – страж этой двери, и то, как он охраняет свой вход в наш мир, неизбежно сказывается на всех.

здесь идет об одном человеке, в котором отделяется брат от “лакея” (Стефано Капилупи подчеркнет в своей статье *вечно лакейскую сущность дьявола*), то, что истинно, от того, что ложно и растленно – как в финале статьи Анастасии Гачевой, где горят в огне страшного суда грехи, но не грешники, не люди, в которых всегда, за любым слоем “лакейского”, растленного, будет сохранен братский лик, образ Божий. Впрочем, продолжая размышлять согласно логике Меерсон, мы должны были бы и здесь остаться неудовлетворенными, поскольку всё же лакей – слуга, а слуга – брат, как учит и старец Зосима, и следовательно, даже черт, который, по словам Мити Карамазова, “отца убил”⁵, тот, кто есть “человекоубийца искони”, не может остаться за пределами нашего милующего братского отношения⁶.

⁵ Как убил он и старушонку в “Преступлении и наказании”, но в том романе черт еще не появился “своим лицом”. В “Братьях Карамазовых” этот герой обретает лицо и голос, и точку зрения, становится не “объектом”, на который удобно сваливать все человеческое несовершенство, но субъектом, требующим все же хотя бы вежливого к себе отношения (см. 15, 73). Полагаю, что Достоевский в последнем романе создает фигуру Смердякова – крайнего перед чертом (их рядоположенность утверждается в статье Деборы Мартинсен), потому что в случае просто черта-убийцы не так скоро нашлась бы какая-нибудь Ольга Меерсон, чтобы столь артистично проанализировать романный дискурс и доказать нам, что мы не имеем права отказываться от братства ни с кем в творении. “Братья Карамазовы” – здесь ведь в самом названии звучит и гоголевское “полюби нас черненькими” – это именно братья во грехе и скверне (Алеша скажет Мите, что и он “то же самое”, только Митя на тринадцатой ступени, а он на первой), и “братство” – это как раз то в них, что не поражено грехом.

⁶ А то, насколько простирается наше милующее отношение, зависит только от нашей чистоты: «Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу {...}. “И что такое сердце милующее?” – и сказал: “возгорание сердца (курсив мой. – Т.К.; горение сердца – чрезвычайно значимый образ для романа Достоевского) у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари {...}”». Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина слова подвижнические. М., 1993. С. 206. Слово 48. Многократно отмечено, что недаром именно эта книга находится в комнате, ставшей последним пристанищем Смердякова.

Ср. слова св. Силуана Афонского: «Там, где есть “враги”, там есть и отвержение. Отвергая, человек неизбежно выпадает из Божественной полноты, и уже не в Боге. Достигшие Царства Небесного и пребывающие в Боге, в Духе Святом видят все бездны ада, ибо нет такой области во всем бытии, где бы ни присутствовал Бог. “Все небо живет Духом Святым, а от Духа Святого ничто во всем мире не скрыто”... “Бог есть любовь; и во святых Дух Святой есть любовь” (“О святых”). Пребывая на небе, святые видят ад и его тоже объемлют своей любовью. Ненавидящие и отвергающие брата – урезаны в своем бытии, и Бога истинного, Который есть всеобъемлющая любовь, они не познали, и пути к Нему не обрели» (Старец Силуан. Изд. Сретенского монастыря, 1999. С. 158).

Статьи, конечно, не только – и не столько – полемизируют друг с другом, сколько дополняют друг друга, создают “объем” восприятия романа, и в этом объеме оказывается заключено не только то, что проговорено в статьях, но и гораздо большее, целый спектр следствий, больших и малых, почти автоматически выводимых из буквально сказанного. Приведу лишь два небольших примера (а их множество, и гораздо более серьезных).

Статья Николая Подосокорского иначе, в свете “наполеоновского мифа”, трактует “Царскую корону” в песне Смердякова, чем это сделано в статье Ганны Боград, пишущей о сектантской подоплеке образа Смердякова, но наблюдение Ганны Боград, утверждающей, что нежные слова песни “была бы моя милая здорова” относятся именно к короне, вполне работает и в том случае, если речь идет о короне Наполеона, самовольно возложенной на свою голову. Более того, именно самовольное коронование вполне может быть рассмотрено и как сектантский обряд.

Или вот замеченное Подосокорским особое – в свете наполеоновской темы – звучание фамилии слуги Федора Павловича Карамазова, Григория, – Кутузов, заставляет наконец обратить внимание и на фамилию капитана Снегирева, через знаменитое державинское стихотворение напрямую связывающую своего носителя с Суворовым. Эти военные фамилии и звания в романе, очевидно, составляют какой-то сюжет и требуют своей интерпретации.

Первый сборник серии “Романы Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения”, посвященный роману “Идиот” (М.: Наследие, 2001), центральной своей проблемой имел проблему воскресения. Представляется, что центральной для настоящего сборника – как и для романа – является проблема апокатастасиса, присутствующая – выговоренная или невыговоренная – во многих работах, иногда скрытая за темами ада и рая, суда (как в статье Ричарда Писа), восстановления братского лика братьев, отрекающихся от своего братства (как в статье Марсии Моррис), возвращения подлинного братского статуса предпоследнему из отверженных романного мира – Смердякову (как в статье Ольги Меерсон). Впрямую эта проблема поставлена в статьях Анастасии Гачевой, Стефано Капилупи, в моей статье. *Центральная*, однако, может значить “объединяющая”, но вовсе не значит “единственная”. Спектр проблем, рассмотренных в статьях труда, чрезвычайно широк: от проблемы наличия формально-логических структур в тексте Достоевского (Ричард Пис) до вполне

детективной истории, связанной с поисками рукописей “Братьев Карамазовых” (Борис Тихомиров). Не могу не обратить внимание читателей на статью Владимира Губайловского “Геометрия Достоевского”, написанную математиком и логиком и с математической точки зрения трактующую (может, точнее было бы сказать – показывающую наличие у Достоевского математического хода мысли и математического языка там, где мы этого не замечаем) проблемы гармонии, суда и устройства совершенного общества в последнем романе писателя. Достоевский – военный инженер по образованию – мыслил гораздо более математически, чем его нынешние исследователи, и – как отметил Борис Варфоломеевич Федоренко – когда говорил о чем-то: “математически”, то в его устах это слово никогда не было метафорой⁷.

Как редактору-составителю мне хочется сердечно поблагодарить всех авторов – несмотря на то что статьи мне приходилось читать в процессе подготовки труда не по одному разу, это чтение неизменно было увлекательным, познавательным и полезным.

В разделе “Библиография” (несмотря на значительный объем, все же не могущем претендовать на полноту⁸ и – тем более! – на завершенность) приводятся работы, посвященные роману “Братья Карамазовы” за последние примерно сорок лет; особое внимание, однако, уделено работам самого последнего времени.

Татьяна Касаткина

Все цитаты из произведений Достоевского, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по Полному собранию сочинений в 30-ти томах (Л.: Наука, 1972–1990). Том и страница указываются в скобках после цитаты.

---

⁷ См.: Федоренко Б.В. Математически о сближении параллельных, о Боге // Достоевский. Дополнения к комментарию. М., Наука, 2005.

⁸ Обширные библиографии, могущие предоставить дополнительный материал, содержатся в труде “Достоевский и XX век” (М.: ИМЛИ РАН, 2007), в статьях, посвященных восприятию творчества Достоевского за рубежом.